

Город в теории и на практике: факторы формирования социальной идентичности столицы республики в составе Российской Федерации

О. А. Богатова

Е. И. Долгаева

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация)*
 bogatovaoa@gmail.com

Аннотация

Введение. Статья посвящена актуальной в теоретическом и практическом отношении проблеме конструирования социальной идентичности административных центров российских республик, рассматриваемой авторами в качестве одного из факторов позитивной региональной самоидентификации населения республик. Цель статьи – по материалам проведенного исследования выявить специфику и факторы формирования столичной идентичности населения центрального города республики в составе Российской Федерации на примере г. Саранска (Республика Мордовия).

Материалы и методы. Эмпирическую основу статьи составляют данные количественного (массовый опрос населения г. Саранска, n = 443) и качественного (2 фокус-группы) полевых исследований, проведенных в ноябре – декабре 2020 г., с помощью которых были обозначены специфические особенности, основные структурные компоненты и факторы формирования позитивной столичной идентичности.

Результаты исследования. Определено, что в структуре столичной идентичности населения г. Саранска системообразующим компонентом является идентификация со столичным статусом города, опосредованно основанная на идентификации со статусом Мордовии как республики и его репрезентациями в городской среде. Показано, что позитивная идентификация с республиканской столицей формируется на основе не столько символической политики, сколько факторов, создающих городскую идентичность вообще, включая экономический успех и качество городской среды.

© Богатова О. А., Долгаева Е. И., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Основные ограничения формирования и поддержания столичной идентичности Саранска связаны с дефицитом городской идентичности вообще, обусловленным низкой оценкой состояния и перспектив, низким уровнем самоорганизации по месту жительства и ротацией городского населения в каждом поколении, формирующей у части населения идентификацию «транзитного города». Основу городской идентичности в Саранске, как и в более крупных городах, составляют сети «слабых связей», однако качество городской среды, по мнению его жителей, не способствует формированию и развитию таких контактов. Перспективы исследования связаны с необходимостью изучения городского активизма в городах, не относящихся к числу крупнейших, в качестве самостоятельной исследовательской проблемы.

Ключевые слова: городское исследование, столичная идентичность, городское сообщество, городская идентичность, Саранск, регион, республики в составе Российской Федерации

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (научно-исследовательский проект № 20-011-00588 «Конструирование социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации (на примере Республики Мордовия и Удмуртской Республики)»).

Для цитирования: Богатова О. А., Долгаева Е. И. Город в теории и на практике: факторы формирования социальной идентичности столицы республики в составе Российской Федерации // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 2. С. 447–469. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.447-469>

Original article

The City in Theory and in Practice: Factors of Social Identity Formation of the Capital of Republic within the Russian Federation

O. A. Bogatova[✉], E. I. Dolgaeva

National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)
[✉] bogatovaoa@gmail.com

Abstract

Introduction. The paper is devoted to the theoretically and practically relevant issue of constructing the social identity of the administrative centers of the Russian republics, considered by the authors as one of the factors of positive regional self-identification of the population of the republics. The purpose of the article is, based on the materials of the study, to identify the specifics and factors in the formation of the capital's identity of the republic within the Russian Federation on the example of Saransk (the Republic of Mordovia).

Materials and Methods. The empirical basis of the article consists of the data of quantitative (mass survey of the population of Saransk, n = 443) and qualitative (2 focus groups) field studies carried out in November-December 2020, with the help of which specific features, main structural components and factors of formation of a positive metropolitan identity have been identified.

Results. In the structure of the capital identity of the population of Saransk, the system-forming component is identification with the capital status of the city, indirectly based on identification with the status of Mordovia as a republic and its representations in the urban environment. The paper demonstrates that a positive identification with the republican capital is formed on the basis of not so much symbolic politics but factors that create urban identity in general, including economic success and the quality of the urban environment.

Discussion and Conclusions. The authors conclude that the main limitations of the formation and maintenance of the capital identity of Saransk are associated with a shortage of urban identity in general, due to a low assessment of the state and prospects, a low level of self-organization at the place of residence and the rotation of the urban population in each generation, which forms the “transit city” identity for a part of the population. The basis of urban identity in Saransk, as in larger cities, is made up of networks of “weak ties”, but the quality of the urban environment, in the opinion of its residents, does not contribute to the formation and development of such contacts. On the basis of results of researches, the authors claim the necessity of studying of city activism for the cities which are not among largest, as an independent research problem.

Keywords: urban studies, capital city identity, urban communities, urban identity, Saransk, region, republics within the Russian Federation

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The research for this article was done with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-011-00588 “Construction of the social identity of the capitals of the republics within the Russian Federation population (on the example of the Republic of Mordovia and the Udmurt Republic)”.

For citation: Bogatova O.A., Dolgaeva E.I. The City in Theory and in Practice: Factors of Social Identity Formation of the Capital of Republic within the Russian Federation. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):447–469. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.447-469>

Введение. Предмет статьи составляют специфика и факторы формирования столичной идентичности центрального города республики в составе Российской Федерации на примере г. Саранска – столицы Республики Мордовия. Цель статьи – по материалам проведенного исследования выявить структурно-функциональные особенности социальной идентичности населения административных центров республик на примере столицы Мордовии г. Саранска.

Саранск рассматривается в качестве города, который в процессе своего развития демонстрирует типичные особенности административных центров российских республик с общей численностью населения не более 1 млн чел. К числу наиболее значимых факторов модернизации территорий таких республик всегда относились административный ресурс и функция «фабрики, инструмента для выращивания нации»¹ титульной этнической общности,

¹ Дятлов В. И. Столицы сибирских автономий: советский проект нацистроительства и этнизация городского пространства // Республики на Востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития. Улан-Удэ : Изд-во БИЦ СО РАН, 2018. С. 239.

а препятствий – ограниченность экономического и демографического потенциала этих регионов, выделенных в процессе фрагментации и переформатирования дореволюционного административно-территориального деления в 20-е – 30-е гг. XX в. Результаты исследования подтверждают актуальность административной и культурно-символической функций республиканских столиц для их экономического и социального развития, в то же время демонстрируя, что позитивная идентификация с республиканской столицей формируется на основе не столько символической политики, сколько факторов, создающих городскую идентичность вообще, включая экономический успех и качество городской среды.

Основной тезис состоит в констатации приоритетной значимости социально-экономических (модернизация экономики и структуры занятости, позволяющие использовать человеческий капитал населения республики и повышение уровня жизни городского населения), коммунальных и градостроительных (выбор оптимального масштаба городского развития и реконструкции, обновление принципов благоустройства с целью повышения качества городской среды и создания предпосылок для устойчивой привязанности к городу на микроуровне) факторов формирования столичной идентичности.

Актуальность проблемы исследования заключается в необходимости формирования позитивной столичной идентичности у населения административных центров в республиках в составе современной Российской Федерации на основе синтеза городской и республиканской идентификаций, включая желание оставаться жителями своих регионов, в условиях миграционного оттока и естественной убыли населения республик. Теоретическая проблема исследования заключается в выявлении качественного своеобразия социальной идентичности населения столиц республик в составе России как полиэтнических городских общностей, качественных характеристик социальной идентичности столиц республик, общих тенденций и ограничений ее формирования.

Обзор литературы. Социальная идентичность крупного города относится к предметной области междисциплинарных городских исследований, рассматривающих город как социальное сообщество, характеризующееся в категориях различных форм социальной дифференциации – экономической, политической, классовой, центр-периферийной, культурной, этнической, расовой и т. п. При этом проблемы специфики и факторов формирования социальной идентичности столиц республик в составе России не являются предметом урбанистических и региональных исследований в зарубежных социальных науках. Близким по тематике можно считать этносоциологическое исследование Р. Брубейкера, посвященное проблемам идентичности г. Клуж-Напоки (Румыния) – административного центра региона Трансильвания, в прошлом составлявшего венгерскую этнотерриториальную автономию [1, с. 135–146].

В России аналогичная проблематика этнизации городской среды столиц республик, включая ее дизайн и архитектуру, а также использование

городского пространства в качестве сцены для национальных праздников и этнически окрашенных мегасобытий, является предметом исследований В. И. Дятлова, Г. И. Макаровой, Т. А. Власовой, К. Н. Обухова, Ю. П. Шабаева, А. Яцык² [2–4].

В то же время в современных городских исследованиях факторы формирования и трансформации собственно городской идентичности, ее социальные функции и влияние на социальное самочувствие и социальную стабильность городского социума составляют актуальную проблематику городских исследований, предпринимаемых зарубежными социологами³ [5–7], антропологами⁴ [8], историками архитектуры и архитектурными критиками⁵ [9] и т. д.

С точки зрения социологов, города являются «сгустками социальной и хозяйственной жизни» [10, с. 4], местами концентрации разнообразных социальных отношений, которые, как отмечает Й. Терборн, образуют «городской текст», структурированный наблюдаемой стратифицированной организацией городского пространства, а также социальными ожиданиями, смыслами и возможностями городского населения, во многом сконструированными властвующими элитами⁶. В. Н. Лексин использует применительно к административным центрам республик, а также других субъектов Российской Федерации, распространенное в российской социальной географии [11, с. 39] наименование «столицы», исходя из центр-периферийного подхода: «...Региональные столицы, за редким исключением, бесспорно доминируют на пространстве своего региона» [10, с. 6].

На микроуровне социологический подход к идентичности города включает его характеристику как сообщества людей, способного удовлетворить разнообразные социальные потребности посредством конструирования социальных связей и сетей. Такая концепция города преобладает в исследованиях западных социальных урбанистов.

Представители социального урбанизма как междисциплинарного подхода считают учет социальных потребностей горожан в планировании и дизайне

² Макарова Г. И. Образ Татарстана в стратегиях региональных элит и в массовом сознании : моногр. Казань : Ин-т истории Ш. Марджани, 2020. 308 с.

³ Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020. 472 с.; Харви Д. Постмодернизм в большом городе. Архитектура и городское проектирование [Электронный ресурс] // Научно-образовательный портал IQ. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://iq.hse.ru/news/454730955.html> (дата обращения: 25.07.2021); Харви Д. Социальная справедливость и город / пер. с англ. Е. Ю. Герасимовой. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.

⁴ Зуккин Ш. Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств / пер. с англ. А. Лазарева и Н. Эдельмана; под науч. ред. В. Данилова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 360 с.; Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна (Studia Urbanica). М. : Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.

⁵ Гейл Я. Города для людей. М. : Альпина Паблишер, 2012. 276 с.; Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М. : Новое издательство, 2011. 460 с.; Холлис Л. Города вам на пользу: гений мегаполиса. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.

⁶ Терборн Й. Города власти. С. 21.

городской среды важным условием формирования стабильной городской идентичности, основанной на привязанности к городу и отдельным городским локациям как месту проживания. Как полагают урбанисты, обедненная архитектурная среда не создает такой привязанности. С точки зрения Я. Гейла, основная функция улиц и других общественных пространств заключается в создании условий для разнообразной социальной активности горожан, которая «включает все виды коммуникации между людьми и требует как минимум присутствия других людей»⁷ – от планирования и разнообразного общения до использования городской среды в качестве «сцены» для общественных мероприятий, организованных по инициативе горожан. Дж. Джекобс доказывает, что современные жилые массивы формируют не столько солидарные локальные сообщества, сколько механические «совместности», в которых люди не доверяют соседям и часто даже не знакомятся с ними⁸.

Оценивая городскую среду по критерию содействия формированию социальных связей на микроуровне, современные урбанисты доказывают необходимость возрождения традиционной уличной и квартальной планировки, расширения малоэтажной застройки, пешеходных и велосипедных зон, зон отдыха с «мягкими» границами, привлекающих небольшие группы людей. Средством восстановления социальных и культурных функций городской среды Д. Харви и другие урбанисты считают восстановление демократического контроля за развитием города, утраченного в результате ослабления участия государства в городском управлении в процессе неолиберальной модернизации, что невозможно без самоорганизации городских сообществ⁹ [12].

Среди отечественных исследователей изучением проблем социальной идентичности города в контексте городского развития занимаются Н. Л. Антонова [13], А. В. Меренков¹⁰, Е. Г. Трубина¹¹, Р. В. Евстифеев [14], В. С. Мартянов [15; 16], Д. Н. Замятин [17] и др. В работах постсоветских исследователей формирование социальной идентичности современного города рассматривается как процесс, основанный на «производстве пространства» города как комплекса специфически городских социальных отношений через участие в формировании локальных сообществ [18], групповых социальных практиках [7; 13], производстве и присвоении символов городской идентичности [2; 3], городском активизме [19–22].

Анализ теоретических подходов к социальной идентичности современных городов, включая региональные и республиканские столицы в современной России, позволяет выделить в качестве теоретической рамки

⁷ Гейл Я. Города для людей. С. 22.

⁸ Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. С. 80.

⁹ Харви Д. Социальная справедливость и город. С. 417.

¹⁰ Социальное пространство современного города / под. ред. Г. Б. Кораблевой, А. В. Меренкова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 252 с.

¹¹ Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 519 с.

социологического исследования факторов ее формирования наиболее релевантные макросоциологические концепции «городов власти» Й. Терборна и В. Н. Лексина наряду с концепцией городских сообществ как субъектов «права на город» Д. Харви и социальным урбанизмом, представленным исследованиями К. Александера, Я. Гейла, Дж. Джекобс.

Материалы и методы. В исследовании использовалась смешанная методика, основанная на сочетании количественных (массовый опрос) и качественных методов (фокус-группы) сбора социологических данных. Метод фокус-групп позволил выявить основные механизмы и проблемы формирования столичной идентичности в республиках на примере Саранска, массовый опрос – дать количественную оценку восприятия этих проблем на массовом уровне, степени сформированности столичной идентичности, а также основных социальных факторов и ограничений формирования столичной идентичности в республиках.

В ноябре – декабре 2020 г. в г. Саранске нами был осуществлен массовый опрос на тему «Саранск – столица Мордовии». Все респонденты и участники фокус-групп были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству.

Опрос проводился методом анкетирования по месту жительства с использованием анкет для самозаполнения по репрезентативной квотно-территориальной выборке. Всего в исследовании приняли участие 443 чел., постоянно проживающих в Саранске, в возрасте 18 лет и старше. Также было проведено 2 фокус-группы в г. Саранске (14 ноября 2020 г.) с жителями города с высшим образованием (ФГ-1, 8 участников) и без высшего образования (ФГ-2, 10 участников).

Результаты исследования. Результаты фокус-группового исследования дают возможность заключить, что население Саранска воспринимает его статус административного центра нейтрально, как данность, не считая его значимым преимуществом в сравнении с крупными городами за пределами региона.

В высказываниях информантов в ответ на вопрос о том, чем для них является Саранск, с самого начала прослеживается проблема дефицита собственно городской идентичности и ее частичного поглощения республиканской, а также дефицита городского развития, основанная на оппозиции между представлениями городского населения о том, каким должен быть город в идеале (социальная динамика, «жизнь», изменения к лучшему в жизни отдельных людей и города в целом) и тем, что собой представляет Саранск в настоящее время. Наиболее близким к идеальному типу города Саранск оказался для молодых и относительно недавно переехавших в региональную столицу информантов, которые редко бывают за пределами Мордовии. Для них Саранск является самым крупным городом, поэтому они сравнивают его с сельской местностью. Для информантов, родившихся в Саранске, а также длительное время проживших в более крупных городах, он чаще выступает в качестве негативного

объекта для сравнения: «По сравнению с другими городами, когда, допустим, я ездила, там было... намного больше мест, где можно посмотреть природу, прогуляться, ...провести время» (ФГ-1, Светлана, 21 г., родилась в Саранске).

В дискуссии преобладали оценки Саранска как «провинциальной столицы», города со «столичными замашками», который стремится выглядеть в качестве столицы («Все-таки это провинциальная столица, скорее, в моем понимании так. ...То есть все-таки это что-то среднее между столицей и провинцией» (ФГ-2, Николай, 19 л., проживает в Саранске 12 лет)), но в целом не соответствует собственным претензиям на столичность из-за недостатка ресурсов либо из-за неумения их правильно использовать: «Для меня Саранск объединяет в себе и столицу, и провинцию... По структуре экономики, социальному составу большую часть сферы жизни Саранск все-таки остается так или иначе провинциальным городом. Но по амбициям своего развития, что мы [наблюдаем] в течение последних 80 лет, с момента того, как в 30-е годы Саранск [стал] столицей Мордовской автономии... У руководства города всегда некоторые амбиции на столичность были, и особенно это... проявилось уже в последние 20 лет» (ФГ-2, Петр, 20 л., родился в Саранске).

Информанты несколько снисходительно утверждают, что столичным городом Саранск может считаться только с точки зрения республиканской сельской периферии: «Мое мнение, что это провинциальный город, стремящийся быть столичным. Это очень похвальное стремление. ...Достаточно сходить на какой-нибудь республиканский конкурс фольклорных коллективов, чтобы понять, что в глазах всех фольклорных коллективов, которые приезжают, это определенно столица, то есть они всегда рады прибытию из глубинки, для них это целое событие... Поэтому смотря с какой точки зрения оценивать» (ФГ-1, Александр, 35 л., родился в Саранске).

Характеризуя Саранск в качестве «провинции», информанты признают наличие общих для его жителей особенностей социального поведения и образа жизни, объясняя их масштабом города и городской экономики. Информанты часто называют Саранск «маленьким городом», несмотря на его формальную принадлежность к категории крупных городов (с населением 250–500 тыс. чел.), ссылаясь на относительную узость круга общения, ограниченность «слабых связей» в социально-профессиональной среде либо в кругу земляков, родственников, однокурсников, соседей, и, как следствие, большую зависимость индивида от своего социального круга по сравнению с более крупными городами. Отвечая на вопрос о том, что их объединяет с другими горожанами, информанты в обеих группах описывают Саранск с помощью метафоры «деревни»: «Во-первых, некоторые из них мои родственники. Их довольно много именно в Саранске, это одноклассники, однокурсники, это друзья, коллеги. И к определенному возрасту ты понимаешь, что Саранск, несмотря на 300 с чем-то тысяч населения, – это очень большая деревня и если

ты знаешь какое-то огромное количество людей, то через 1–2 рукопожатия ты буквально знаешь весь город. Это уже даже не поражает. ...В какой-то момент это удивляло, а сейчас это просто так» (ФГ-1, Виталий, 36 л., родился в Саранске).

Описанные «провинциальные» особенности Саранска могут рассматриваться в качестве не столько недостатка, сколько преимущества, характеризующего его как «естественный город», социальная структура которого, по мнению К. Александера, является довольно «плотной» и представляет собой «полурешетку», в которой индивидуальные наборы друзей и знакомых жителей частично перекрываются, несмотря на то, что эти друзья могут жить не в соседнем доме, а в другом районе [9, с. 159]. Следовательно, структура занятости и общие интересы способствуют формированию городской идентичности в каждом поколении жителей Саранска.

Однако имеются и факторы, способствующие ее размыванию. К ним можно отнести низкую удовлетворенность качеством городской среды, постоянную ротацию городского населения и дефицит условий для спонтанного формирования локальных солидарностей на микроуровне. К показателям критической оценки условий жизни и работы в Саранске и подобных ему региональных центрах относится интерпретация информантами «провинциальности» в терминах «недоразвитости»: «Для меня, в сравнении с другими, провинциальный все-таки, и здесь маленькая ремарка, что в рамках столичных вообще малых городов, Казань можно отнести, Питер, Москву, ну может еще какие-то. Очень многие у нас города такие же, как Саранск, они, даже будучи столицами своих регионов, ...все равно ...недоразвиты, скажем так» (ФГ-1, Алина, 48 л., проживает в Саранске более 10 лет).

К показателям экономической «недоразвитости», кроме уже отмеченных ошибок в градостроении и благоустройстве городской среды, информанты относят также неудовлетворительное состояние жилищно-коммунальной инфраструктуры в аспекте несоответствия экстенсивной застройки города (изношенность систем водоснабжения, канализации, очистных сооружений, неудовлетворительное качество теплоснабжения, транспортных услуг и неспособность городских властей своевременно устранять эти проблемы), социальной инфраструктуры, в первую очередь медицинского обслуживания (проблема, актуализировавшаяся в период пандемии), деградацию профессионального образования, а также общий дефицит индустриального развития и, как следствие, безработицу, низкие зарплаты и общую относительную бедность населения: «Это проблема экологической обстановки, ...жилищно-коммунального сектора, там, с изношенностью коммуникаций, там, коллекторы, улица Фурманова. О чем все мы так или иначе слышим» (ФГ-2, Петр, 20 л., родился в Саранске).

При этом информанты не отрицают, что городское хозяйство Саранска находится в лучшем состоянии по сравнению с малыми городами и поселками

в районах Мордовии, а также отмечают положительные изменения в отдельных областях по сравнению с советским периодом. В качестве образцов для сравнения горожане рассматривают более крупные и благоустроенные города, ориентируясь на них во всем, что касается уровня жизни, сферы услуг и т. д. Историк архитектуры и градозащитник В. Б. Махаев считает значимой проблемой городского развития Саранска относительно низкое качество городской планировки и застройки (разбросанность города, обусловленная не предусмотренным генеральными планами строительством «спальных» районов для рабочих крупных промышленных предприятий в 60-е – 80-е гг. XX в., низкое качество типовой застройки, хаотичная «свободная планировка»)¹². Существенным фактором трансформации городской среды Саранска в XXI в. стала подготовка к мегасобытиям в виде празднования Тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства (в 2006 и 2012 гг.) и проведением матчей Чемпионата мира по футболу 2018 г., когда за счет федеральных субсидий был предпринят снос дореволюционной и советской застройки с целью реконструкции центра, построены новые жилые районы.

Оценивая результаты этой реконструкции, информанты в обеих фокус-группах дистанцируются от «визуальной картинки» как властного конструкта и высказывают серьезные замечания по поводу качества и функциональности вновь построенных жилых районов и публичных пространств: «Какое-то ужасное состояние. Я считаю, что уже ничего не исправишь. Вот лучше не будет. ...Люди, которые принимают решения, делают это топорно, ...неправильно и словно завхозы, которым дали поуправлять... начиная со строительства зданий, которые выглядят в центре города, ...как детские кубики разбросанные, разноцветные, словно там не принимали участие никакие архитекторы, словно их мнения никто не слышал, не слушал. И все так получилось здорово, аляписто, но абсолютно ужасно. Это то, что останется с Саранском на десятилетия, если не больше. И это то, что видно сразу невооруженным глазом» (ФГ-1, Виталий, 36 л., родился в Саранске).

Фокус-группы продемонстрировали наличие у населения города в конце 2020 г. многочисленных претензий к городским и республиканским властям в отношении качества территориального управления. Информанты говорили о нехватке «грамотных управленцев», называли руководство города и республики «ставленниками Москвы», которые, получая основные финансовые потоки из федерального бюджета, не считают нужным отчитываться перед населением и не согласовывают с ним решения по вопросам застройки и благоустройства города, предпочитая ставить горожан перед свершившимся фактом.

Информанты говорили также о нежелании городских или районных властей обсуждать вопросы благоустройства даже придомовых территорий с самими жильцами: «У нас отсутствует зона выгула собак. Все возмущаются

¹² Культурный ландшафт города Саранска (геоэкологические проблемы и ландшафтное планирование) / науч. ред. и сост. А. А. Ямашкин. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2002. С. 41.

по этому поводу, все гуляют с собаками, нам не предоставляют элементарно даже таких зон, чтобы мы могли спокойно выйти в определенное место, погулять там со своими домашними животными и спокойно пойти домой. ...Пошли в администрацию договариваться: давайте мы сами сделаем эту зону для выгула собак, а вы нам выделите средства. Естественно, с этим ничего нет. Просто нужна была земля, мы бы строили ее сами» (ФГ-1, Ирина, 22 г., проживает в Саранске 5 лет).

С другой стороны, отсутствие диалога с органами местного самоуправления частично обуславливается и нежеланием самих жителей города обращаться к ним со своими запросами и предложениями вследствие отсутствия опыта таких обращений, взаимного недоверия или неспособности к самоорганизации по месту жительства. Некоторые участники фокус-групп являются инициаторами и активистами местных инициативных проектов по благоустройству города, имеют опыт организации горожан «снизу» и отстаивания общих интересов в общении с представителями власти. Такие информанты делали выводы о принципиальной возможности городского общественного активизма в Саранске на основе личного опыта, например в проекте благоустройства набережной р. Саранки «Друзья Саранки».

Тем не менее результаты фокус-групп показывают, почему социологические модели городского активизма, построенные в основном на данных исследований в Москве, Санкт-Петербурге и других крупнейших городах [19–22], население которых не стремится сменить место жительства, не вполне применимы для менее крупных городов, включая многие «провинциальные столицы». В данном случае нестабильность территориальной идентичности коррелирует со слабостью или нестабильностью активистских установок.

По самоописанию информантов, одни из них задумываются о переезде в другой город, другие считают бессмысленным взаимодействовать с городскими властями, «играя по их правилам», третьи жалуются на социальную пассивность, дефицит доверия или подозрительность окружающих в отношении любых общественных инициатив: «Допустим, даже самое элементарное – посадить саженцы деревьев – мне прилетало постоянно: “Ты что? Тебе больше всех, что ли, надо? Зачем тебе это надо, это же бесплатно, тебе за это не заплатят?”» (ФГ-2, Юлия, 18 л., родилась в Саранске).

Другие говорили о трудностях, возникающих в процессе объединения жильцов многоквартирных домов, которым трудно найти общий язык и принимать какие-либо совместные решения из-за пассивности или взаимного недоверия. Отмечалось, что люди, живущие в одном доме, скорее склонны объединяться друг с другом малыми группами для достижения частных целей и во вред остальным. Чаще всего такую инициативу проявляют автовладельцы, купившие жилье на вторичном рынке в старых многоквартирных домах и пытающиеся расширить площадь для парковки, отведенную по советским градостроительным нормам из расчета один автомобиль на подъезд

пятиэтажки: «Так вот, понимаете, если брать сравнение с деревьями, то сносят деревья как раз самые активные жители, которым они по каким-то причинам мешают: ветка упала на машину, кому-то окно затеняет. И вот эти люди ... до такой степени верят в свою правоту, что ... ходят и этого добиваются. А потом те, которые ратуют за зелень, ... сидят и говорят: “Ой, а у нас все порубили”. Хочется спросить, а вы где были? Почему тот один человек своей активностью добился полного уничтожения у вас здесь всех деревьев, а вы сидели и просто смотрели? Вот это вот у нас в обществе» (ФГ-1, Алина, 48 л., проживает в Саранске более 10 лет).

Подобные явления можно объяснить, с нашей точки зрения, на основе концепта асоциальных «совместностей» Дж. Джекобс, которая утверждает, что осознание общности интересов в многоквартирных жилых массивах не происходит автоматически при отсутствии регулярного общения¹³. К последствиям такой ситуации может относиться «трагедия общинных ресурсов» («трагедия общин», по выражению Г. Хардина) – истощение ресурсов, находящихся в совместном владении, в результате их хищнического использования при отсутствии общественного контроля. Вводя это понятие в российский научный оборот, А. Н. Ямсков считает его актуальной характеристикой ситуации в российских городах, например транспортного коллапса в Москве¹⁴.

При отсутствии спонтанной самоорганизации, как полагает информант, предлагая использовать советский опыт, функцию организации по месту жительства могут взять на себя муниципальные власти: «Я помню еще советские времена и вот это вот, даже знаете как, не то, что советские времена, дореволюционные. В Питере, к примеру, были дни древонасаждений, в которых принимали участие школы, все учебные заведения, бизнес... Да, мы сейчас как бы немножко со скепсисом относимся к советским субботникам. Но ведь это людей объединяло. Это та же тусовка. Тусовка, где ты можешь песни попеть, еще что-то поделывать» (ФГ-1, Алина, 48 л., проживает в Саранске более 10 лет).

Проблема формирования локальных городских сообществ «снизу» осложняется регулярным выездом из Саранска наиболее социально активных людей и притоком мигрантов из сельской местности, которые стремятся удовлетворить первоочередные потребности в рабочих местах и более высокой, чем на прежнем месте жительства, зарплате. Горожане в первом поколении склонны по умолчанию воспринимать городскую архитектурную среду как обедненную в социальном отношении, а потребности в отдыхе и общении удовлетворять за счет распределенного образа жизни, продолжая поддерживать связи с родственниками и друзьями в сельской местности: «Кто-то вспоминает озеленение, что вот это вот беспокоит людей, что озеленение плохое,

¹³ Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. С. 80.

¹⁴ Ямсков А. Н. Экологически значимые культурные архетипы поведения человека // Этно-экологические аспекты духовной культуры / ред.: В. И. Козлов, А. Н. Ямсков, Н. И. Григулевич. М.: ИЭА РАН. 2005. С. 286.

но я думаю просто: если человек останется без денег, ему вообще хоть в пустыне, но когда без денег, когда нет средств к существованию, остальное мало волнует. ...Но кроме города, есть еще загород. И люди зачастую в летний период в основном отдыхают за городом. И то есть вспоминается все это озеленение уже в период, когда заканчиваются отпуска, когдаходишь вот в эту рутину каждодневную, хочется порадовать чем-то глаз, тогда уже задумываешься о том, что тебя окружает. А финансовый вопрос – он давит постоянно. То есть природный фактор, мне сейчас кажется, не на первом месте» (ФГ-1, Иван, 30 л., проживает в Саранске 9 лет).

Таким образом, удовлетворенность проживанием в Саранске парадоксальным образом усиливается при наличии социальных контактов с сельской «периферией» региона, а их утрата ослабляет привязанность к нему как месту жительства. Молодежь, склонная проводить больше времени со сверстниками именно в городе, выражает недовольство отсутствием мест для отдыха и спонтанного общения, которые постоянно привлекали бы людей, и «нефункциональностью» для этих целей имеющихся «псевдопубличных» (Р. Сеннет) пространств: «Сейчас город, мне кажется, в руках ...крепких хозяйственников, максимально консервативных, которые в реалиях постиндустриального общества уже, эти решения... от них просто хочется рыдать. ...И пример – это наша набережная около стадиона, там ...прогуляться можно пару раз, такое место для разговоров, и все, большую часть времени она пустует. Там люди не ходят, просто там нечего делать. И у нас в городе ...очень много мест, которые ну просто не функциональны. Ту же самую набережную можно сделать, развить там бизнес, какие-то поставить площадки, что-то еще» (ФГ-2, Николай, 19 л., проживает в Саранске 12 лет).

На фокус-группах практически сразу возникает тема «уеду или останусь»: «Для меня Саранск – это спокойный, тихий город, который очень медленно развивается и почему-то часто возникает желание его покинуть» (ФГ-1, Ксения, 30 л., проживает в Саранске 12 лет). У молодых уроженцев Саранска, участвовавших во второй фокус-группе, эта установка выражена в качестве сформировавшегося намерения: «Это место, которое будет приятным для меня, когда я отсюда уеду, и потом буду с теплотой вспоминать и, может быть, потом, под конец жизни, я сюда вернусь... Более амбициозной молодежи здесь делать не то, что нечего, но она будет всегда стремиться покинуть его, чтобы реализовать свой потенциал в городах, где инфраструктура для этого более расположена, или она более продвинутая, чем здесь. Хотя в последние годы здесь также создаются площадки и условия, но все равно они еще далеки от тех, что, например, в крупных городах» (ФГ-2, Артем, 19 л., родился в Саранске).

В качестве основного фактора, влияющего на решение переехать в Саранск или, напротив, уехать в более крупный город при удобном случае, респонденты называют возможность зарабатывать на жизнь: «Самый

главный фактор – это социально-экономический, когда у тебя низкий прожиточный минимум, когда у тебя недостойная зарплата, ты все остальные проблемы опустишь не то что на второй, на третий и четвертый планы. ... Вот раньше, когда я уходил из общежития даже на первом, втором курсе, у меня была ... такая аллея, но сейчас этой аллеи нет, потому что ее просто вырубил. И, так скажем, это тоже небольшая травма, но потом уже с месяцами ты стал понимать, что, даже несмотря на недостаточность зеленых насаждений, серые краски в городской архитектуре, все это меркнет по сравнению с тем, что ты думаешь, как тебе вообще дальше жить, на что и как сберечь то, что ты пока еще имеешь» (ФГ-1, Олег, 22 г., проживает в Саранске 4 года).

Как следствие, в дискуссии в обеих группах прозвучали высказывания об ущербе, нанесенном городу столичными амбициями советского и современного руководства Саранска, об имитации столичности как неверном направлении развития и, в качестве альтернативы миграции в более крупные города, о необходимости ограничения его количественного роста и перехода от экстенсивного количественного к интенсивному качественному развитию именно в статусе провинциального города: «У нас маленький город, у нас есть желание, как столица, стать великой, я не знаю, на кого мы равняемся, на Москву или Питер, но это несопоставимо. Нужно наоборот... брать свою уникальность. Мы можем быть маленьким, уютным и таким, как сказать, компактным городочком. И у нас может быть за счет этого своя привлекательность» (ФГ-1, Алина, 48 л., проживает в Саранске более 10 лет); «... В некотором смысле, это надо признать и не вкладывать все ресурсы, на мой взгляд, в то, чтобы поддерживать эту столичность, наоборот-таки строить хороший, качественный, провинциальный город с комфортными улицами, комфортными ... внешними принципами жизни, как какой-нибудь скандинавский, центрально-европейский город» (ФГ-2, Петр, 20 л., родился в Саранске).

Оценить степень сформированности, структурные особенности и основные факторы становления столичной идентичности жителей Саранска позволил массовый опрос горожан. Ответы на вопрос «С кем из данных групп населения Вы испытываете чувство общности, и в какой степени?» показали, что самоидентификация с жителями Саранска («очень сильно» – 11 %, «сильно» – 51 %) по критерию чувства общности в их идентификационном наборе находится на втором месте по степени значимости после солидарности с людьми, разделяющими их взгляды на жизнь (чувство общности с этой категорией «очень сильно» испытывают 24 % респондентов, «довольно сильно» – 48 %).

При этом, так как 90 % респондентов проживают в городе не менее 10 лет, он концентрирует их основные дружеские и родственные связи, что приводит к частичному совмещению этих двух идентификаций. Поэтому, отвечая на вопрос, что связывает с Саранском их лично, две трети опрошенных в числе трех возможных выбирают вариант «Здесь живут мои друзья, близкие мне люди» (66 %), в то время как «примордиальная» идентификация («это мой

родной город») в ответах на тот же вопрос упоминается значительно реже (46 %). Ответ «Столица Мордовии» на вопрос об ассоциациях с названием города выбрали 43 % опрошенных; этот ответ находился на втором месте по частоте упоминаний после ассоциации «храмы, соборы» (51 %). К числу наиболее частых упоминаний относились также «парки, лесопарки, сады, зеленые насаждения» (32 %), «спортивные мероприятия и сооружения» и «памятники истории и культуры, театры, музеи» (28 %). Столичная самоидентификация в данном случае выявляется примерно у половины респондентов.

Идентификационная связка одновременно с Мордовией и столичным городом на вопрос «Кем вы себя чувствуете в первую очередь: жителем Саранска или жителем Мордовии?» отмечается у 51 % респондентов; при этом ощущают себя в первую очередь жителями Саранска 27 % опрошенных горожан, жителями Мордовии – 17 %, 5 % затруднились с ответом.

Попытка измерить степень значимости столичной идентичности для населения Саранска при помощи таких поведенческих установок, как планирование в будущем переезда в другой населенный пункт, объединение с более экономически развитым, по сравнению с Мордовией, регионом, дает противоречивые результаты. Если планы на выезд из Саранска на постоянное место жительства имеются у меньшинства (на вопрос «Планируете ли Вы в будущем переехать в другой город (село) на постоянное место жительства?») 11 % респондентов ответили «да» и 9 % – «скорее да»), то отрицательный ответ на этот вопрос дают 49 % опрошенных, ответ «скорее нет» – 22 %, и 10 % не задумывались над ним (вопрос относился к уже оформленным планам).

В то же время отрицательное (10 %) или скорее отрицательное (13 %) отношение к идее возможного объединения Мордовии с экономически более сильным субъектом Федерации, почти наверняка предполагающей потерю Саранском столичного статуса в объединенном регионе, демонстрирует меньшинство горожан при еще 25 % затруднившихся с ответом. Таким образом, половина опрошенных оценивают эти планы положительно (34 %) или скорее положительно (18 %), очевидно, исходя из утилитарных соображений о том, что выгоды возможного объединения для населения как Мордовии в целом, так и самого крупного города республики перевесили бы неизбежные в результате такой «оптимизации» потери.

К числу социальных факторов, влияющих на интенсивность и содержание социальной идентичности столичного населения в республиках в составе России, относится длительность проживания семьи в столичном городе, измеряемая в поколениях. Наибольшая доля опрошенных (42 %) отметили, что являются горожанами в первом поколении, 28 % – во втором (в Саранске проживали их родители), 13 % – в третьем, 17 % – в четвертом и более. Эти данные отражают основные тенденции изменения состава населения г. Саранска в XX–XXI вв. за счет «стягивания» значительной части населения республики и усиления миграционного оттока в другие города и регионы в постсоветский период.

Результаты исследования демонстрируют наиболее высокую степень значимости самоидентификации с населением столичного города у жителей Саранска в первом поколении, для которых это место жительства явилось объектом целенаправленного выбора: так, среди них 60 % испытывают «довольно сильное» чувство общности с населением города, «очень сильное» – 6 %, в то время как среди жителей столицы второго поколения – соответственно 50 % и 10 %. Косвенным показателем самоидентификации с городом является оценка распространенности такого качества, как «стремление уехать из Саранска». Его относят к числу качеств, наиболее присущих населению столицы, 36 % горожан в четвертом поколении, 39 % – в третьем, 27 % – во втором и лишь 16 % – в первом.

Идентифицируя социальную структуру Саранска в аспекте соотношения различных групп занятого и незанятого населения, респонденты также выделяют преимущественно экономически неактивные либо занятые в сферах, не связанных с материальным производством или инновационной экономикой: Саранск характеризуется ими как город студентов (34 %), безработных (28), бюджетников (21), спортсменов (19 %) и т. д., в то время как «городом предпринимателей» его называют всего 8 % респондентов, «городом работников промышленных предприятий» – 7 %, «городом представителей новых профессий (IT, новые технологии и др.)» – 2 %.

На фокус-группах экономическая ситуация интерпретируется в высказываниях, выражающих сожаление об отсутствии или деградации «градообразующих предприятий» и отраслей, и артикуляции миграционных настроений. Аналогичные установки находят отражение и в массовом опросе. На уровне социальных практик наибольший вклад в формирование столичной идентичности вносят профессиональная и образовательная сферы, однако, по мнению респондентов, профессиональная деятельность, создающая преимущества республиканского столичного города, концентрируется в сфере «сервисной экономики» символической направленности – культурных и образовательных услуг, а также индустрии досуга и отдыха. Значительный вклад вносят учреждения высшего образования на уровне как социальных практик («город студентов»), так и символических репрезентаций (памятник Н. П. Огареву), независимо от востребованности их выпускников на республиканском рынке труда. При этом респонденты не видят оснований для положительной оценки общей экономической ситуации, предпосылок экономического роста, рынка труда, предпринимательского климата, уровня жизни населения города.

Так, отвечая на вопрос «Что, на Ваш взгляд, делает Саранск привлекательным для проживания в городе с точки зрения развития экономики?», респонденты не нашли оснований для положительной оценки уровня жизни городского населения, условий для развития промышленности, предпринимательства в сфере малого и среднего бизнеса, рынка труда, в том числе в аспекте спроса на квалифицированную рабочую силу и экономической ситуации в целом.

42 % респондентов выбрали вариант «географическое положение, близость центральных регионов России», 27 % – «ничего из перечисленного», 17 % затруднились ответить, а следующий по частоте вариант ответа, указывающий на преимущества экономического положения Саранска, «доступные цены и широкий ассортимент товаров и услуг», выбрали всего лишь 8 % опрошенных. Под «центральными регионами России» в данном случае понимаются Москва и Московская область, являющиеся основными регионами миграционного оттока из Мордовии, о чем свидетельствуют и данные опроса: так, из числа 20 % респондентов, которые планируют в будущем куда-либо переехать, 37 % указали в качестве пункта назначения Москву или Московскую область, 22 – другой город или регион России, 11 – другой населенный пункт на территории Мордовии, 5 – другую страну, 26 % еще не определились с выбором.

Вопреки общей оценке городской среды Саранска как комфортной респонденты демонстрируют низкую удовлетворенность ее состоянием по многим частным показателям: например, только 23 % респондентов считают, что город вполне обеспечен объектами общественного назначения. Ответы на вопрос о недостающих объектах демонстрируют несовпадение интересов разных категорий населения: в условиях пандемии респонденты чаще всего отмечают нехватку в городе больниц и поликлиник (33 %), заявляют о нехватке детских площадок (18), парков и зеленых насаждений (16), детских садов (15), магистральных улиц (12), общественных пространств под открытым небом (10) и пешеходных зон (10 %).

Опрос в целом подтвердил высказанное на фокус-группах мнение о разобщенности и пассивности большинства жителей Саранска в решении проблем благоустройства города, имеющих к ним непосредственное отношение. Респонденты редко занимаются общественно полезной деятельностью за исключением уборки и благоустройства придомовой или школьной территории, не требующей объединения с незнакомыми людьми, что соответствует ответственности за происходящее в доме или во дворе [20, с. 49–50]. Такие мероприятия посещают 30 % респондентов, 6 % имеют опыт участия в волонтерских группах по благоустройству города, 1 % когда-либо участвовали в общественных слушаниях по вопросам застройки своего жилого района или в протестах против уплотнительной застройки, столько же обращались в органы власти или местного самоуправления либо суды для решения этих проблем. Даже виртуальную активность в решении городских проблем проявляет незначительная часть опрошенных: 3 % из них участвовали в обсуждении городских проблем в общедоступных и широко известных группах в социальной сети «ВКонтакте» («Доска позора» и т. п.).

Показателями нежелания респондентов обращаться с какими-либо запросами в органы власти являются незнание респондентами фамилий муниципального депутата от их избирательного округа (90 %) и председателя Совета депутатов г. о. Саранск (80 %).

В одной из дискуссий была затронута политика формирования республиканской и столичной идентичности на основе национальной идентичности титульной этнической общности республики – мордвы, которую применительно к постсоветским государствам Р. Брубейкер называет «национализирующей» [23, с. 1789]. Информанты оценили такую политику как проводимую за отсутствием других «объединяющих» ценностей: «... Может быть, и как раз нет такой именно какой-то объединяющей, связующей, то есть мы национальность эту выпячивали, миллениум там, тысячелетие [имеется в виду празднование Тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства в Саранске в 2012 г.], а вот чего-то объединяющего у нас не было. Между не только русскими, то есть не только мордву, шокшу, мокшу, эрзю, а именно, чтобы русский народ и татарский, и все национальности республики объединились» (ФГ-1, Ксения, 30 л., проживает в Саранске 12 лет).

Обсуждая тему мордовской этничности и ее пропаганды, информанты сразу же переходят на республиканский уровень политики идентичности: таким образом, моноэтническая «национализация» идентичности населения Саранска не воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Характерно, что «национальный вопрос» был затронут только в одной фокус-группе, а количественное исследование не выявило его существенного влияния на столичную самоидентификацию населения Саранска. Отвечая на вопрос «Попытайтесь, пожалуйста, охарактеризовать Саранск максимально кратко», респонденты чаще всего описывали его как «самый чистый город» (59 %), «столичный город» (23), остальные характеристики – «центр мордовской культуры» (13), «самый благоустроенный город» (13 %), «современный город», «старинный город», «центр финно-угорской культуры» и т. д. – встречались реже.

В то же время в вопросе о преимуществах Саранска с точки зрения условий проживания, развития инфраструктуры и сферы услуг, имея возможность дать несколько вариантов ответа, респондентами чаще всего упоминались такие свойства городской среды, как «отсутствие межнациональных конфликтов, стабильные и добрососедские межнациональные отношения» (40 %), «исторические, культурные и архитектурные достопримечательности» (21), «развитый городской транспорт» (18), «обеспеченность местами отдыха и развлечениями» (17), «возможности для развития национальных культур» (12 %).

Обсуждение и заключение. В структуре столичной идентичности населения Саранска системообразующим компонентом является идентификация со столичным статусом города, опосредованно основанная на идентификации со статусом Мордовии как республики, однако одобрительное отношение половины опрошенных к возможной потере столичного статуса в случае объединения с более развитым регионом свидетельствует о неустойчивости этой идентификации. Другие компоненты столичной идентичности в виде идентификации с мордовской культурой и этничностью, городскими индустриями

(«градообразующими предприятиями») и городскими сообществами выражены слабо.

Результаты исследования демонстрируют распространенность среди части населения Саранска, в особенности молодежи, идентичности «транзитного города», основу которой составляет установка на переезд в более крупный город. Таким образом, основное ограничение в формировании и поддержании столичной идентичности в республике связано с дефицитом городской идентичности вообще и слабой привязанностью к столичному городу как месту проживания у его населения.

Респонденты, 70 % которых составляют горожане в первом или втором поколении, рассматривают место жительства как предмет рационального выбора, предпочитая по социально-экономическим причинам Саранск республиканской периферии и более крупные города – Саранску. Экономические факторы способствуют «выталкиванию» населения из Саранска, а отсутствие привязанности к месту на микроуровне усиливает этот процесс. Основу городской идентичности в Саранске, как и в более крупных городах, составляют сети «слабых связей» на основе принадлежности к профессиональным сообществам и образовательным институтам («город студентов»), однако качество городской среды, по мнению его жителей, не способствует формированию и развитию таких контактов.

Интерес представляют рекомендации, высказанные локальными активистами на фокус-группе, о необходимости большей открытости в процессе организации городскими властями общественных слушаний по вопросам благоустройства города с целью выявления и учета потребностей горожан и вовлечения их в процесс благоустройства города, активизации формирования локальных сообществ. Представляется актуальным применение в процессе реконструкции архитектурной среды основных рекомендаций современных социальных урбанистов, направленных на «оживление» ее социальных функций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Brubaker R. *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*. Princeton : Princeton University Press, 2006. 439 p. doi: <https://doi.org/10.2307/j.ctv346r9g>
2. Власова Т. А., Обухов К. Н. В поисках «ижевского мифа»: символическое пространство города как ресурс развития территорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24, № 4. С. 196–220. doi: <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.8>
3. Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения / Ю. П. Шабаяев [и др.] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 248–267. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>
4. Yatsyk A. Regional Dimensions of Global Games: The Case of Sports Mega Events in Tatarstan // *Mega Events in Post-Soviet Eurasia: Shifting Borderlines of Inclusion and*

Exclusion / ed. by A. Makarychev, A. Yatsyk. New York : Palgrave Macmillan, 2016. Pp. 173–195. doi: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-49095-7>

5. Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3. С. 24–53. URL: https://intelros.ru/pdf/logos_03_2008/02.pdf (дата обращения: 25.07.2021).

6. Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3. С. 95–107. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/05.pdf (дата обращения: 25.07.2021).

7. Лебедева Е. В. «Право на город»: опыт анализа дворовых сообществ с позиции критической теории (на примере Минска) // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 1. С. 44–66. doi: <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.1.775>

8. Scott J. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven : Yale University Press, 1998. 464 p. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt1nq3vk> (дата обращения: 25.07.2021).

9. Alexander C. “A City is Not a Tree”// The Urban Design Reader. 2nd edition / ed. by M. Larice, E. Macdonald. London : Routledge, 2012. Pp. 152–166. doi: <https://doi.org/10.4324/9780203094235>

10. Лексин В. Н. Города власти: административные центры России // Мир России. 2009. Т. 18, № 1. С. 3–33. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5127> (дата обращения: 25.07.2021).

11. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Развитие больших городов в России в 2000-х годах // Региональные исследования. 2019. № 1 (63). С. 39–51. URL: [http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/RI_2019_1\(63\).pdf](http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/RI_2019_1(63).pdf) (дата обращения: 25.07.2021).

12. Storper A., Scott A. J. Current Debates in Urban Theory: A Critical Assessment // Urban Studies. 2016. Vol. 53, issue 6. Pp. 1114–1136. doi: <https://doi.org/10.1177/0042098016634002>

13. Антонова Н. Л., Абрамова С. Б., Полякова В. В. Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 443–462. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1597>

14. Евстифеев Р. В. Конструирование городских идентичностей: цели, механизмы, акторы // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 4 (26). С. 75–89. doi: <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-4-75-89>

15. Мартыанов В. С. Города и государства: в поисках новой стратегии взаимодействия // Общественные науки и современность. 2019. № 3. С. 170–194. doi: <https://doi.org/10.31857/S086904990005094-5>

16. Кочухова Е. С., Мартыанов В. С. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 45–66. doi: <https://doi.org/10.17506/aip.2019.19.2.4566>

17. Замятин Д. Н. Постгород: пространство и онтологические модели воображения // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 147–165. doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.10>

18. Иванов П. В. Городские жители и производство пространства (на примере российских городов) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2016. Т. 8, № 11. С. 5–15. <https://www.inter-fnisc.ru/index.php/inter/article/view/4448> (дата обращения: 25.07.2021).

19. Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. От права на город к праву на пространство. Динамика муниципальных конфликтов на примере Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 362–385. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052>

20. Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е. «Городское молчание» в Москве: предпосылки и вовлеченность населения в практики гражданского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 48–65. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.04>

21. Семенов А. В. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 29–37. doi: <https://doi.org/10.31857/S013216250007746-3>

22. Желнина А. А., Тыканова Е. В. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 2. С. 205–222. doi: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>

23. Brubaker R. Nationalizing States Revisited: Pprojects and Processes of Nationalization in post-Soviet States // Ethnic and Racial Studies. 2011. Vol. 34, issue 11. Pp. 1785–1814. doi: <https://doi.org/10.1080/01419870.2011.579137>

Поступила 25.08.2021; одобрена после рецензирования 09.11.2021; принята к публикации 25.11.2021.

Об авторах:

Богатова Ольга Анатольевна, профессор кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор социологических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5877-7910>, bogatovaoa@gmail.com

Долгаева Евгения Ивановна, доцент кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1256-7384>, ewgiv@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

О. А. Богатова – разработка концепции исследовательского проекта, программы и вопросников исследования; сбор, обработка и анализ информации; подготовка и критический анализ текста статьи.

Е. И. Долгаева – разработка программы и вопросников исследования; сбор, обработка и анализ информации.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Brubaker R. Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town. Princeton: Princeton University Press; 2006. doi: <https://doi.org/10.2307/j.ctv346r9g>

2. Vlasova T.A., Obukhov K.N. In Search of the “Izhevsk Myth”: The Symbolic Space of the City as a Resource for the Territory Development. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2021;24(4):196–220. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.8>

3. Shabaev Yu.P., Sadokhin A.P., Labunova O.V., Sazonova N.N. Anthropological Understanding of the City and Urban Research Methodology. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018;(3):248–267. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>
4. Yatsyk A. Regional Dimensions of Global Games: The Case of Sports Mega Events in Tatarstan. In: Makarychev A., Yatsyk A., eds. *Mega Events in Post-Soviet Eurasia: Shifting Borderlines of Inclusion and Exclusion*. New York: Palgrave Macmillan; 2016. doi: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-49095-7>
5. Bauman Z. City of Fears, City of Hopes. *Logos*. 2008;(3):24–53. Available at: https://intelros.ru/pdf/logos_03_2008/02.pdf (accessed 25.07.2021). (In Russ.)
6. Sennet R. Capitalism in the Big City: Globalization, Flexibility and Indifference. *Logos*. 2008;(3):95–107. Available at: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/05.pdf (accessed 25.07.2021). (In Russ.)
7. Lebedeva E.V. “Right to the City”: Experience of Analysis of Courtyard Communities from the Position of Critical Theory (by the Example of Minsk). *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2022;13(1):44–66. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.1.775>
8. Scott J. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press; 1998. Available at: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt1nq3vk> (accessed 25.07.2021).
9. Alexander C. “A City is Not a Tree”. In: Larice M., Macdonald E., eds. *The Urban Design Reader*. London: Routledge; 2012. p. 152–166. doi: <https://doi.org/10.4324/9780203094235>
10. Leksin V.N. Cities of Power: Administrative Centres of Russia. *Mir Rossii*. 2009;18(1):3–33. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/5127> (accessed 25.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Russia Largest Cities Development in 2010s. *Regional'nye issledovaniya*. 2019;(1):39–51. Available at: [http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/RI_2019_1\(63\).pdf](http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/RI_2019_1(63).pdf) (accessed 25.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Storper A., Scott A.J. Current Debates in Urban Theory: A Critical Assessment. *Urban Studies*. 2016;53(6):1114–1136. doi: <https://doi.org/10.1177/0042098016634002>
13. Antonova N.L., Abramova S.B., Polyakova V.V. The Right to the City: Daily Practices of Youth and Participation in the Production of Urban Space. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):443–462. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1597>
14. Evstifeev R.V. Designing City Identities: Goals, Mechanisms, Actors. *ПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 2020;(4):75–89. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-4-75-89>
15. Martianov V.S. The Cities and States: In Search of a New Strategy of Interaction. *Social Sciences and Contemporary World*. 2019;(3):170–194. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31857/S086904990005094-5>
16. Kochukhova E.S., Martianov V.S. Creative City or Right Toward the City: Alternative of Urban Development in Russian Context. *Antinomies*. 2019;19(2):45–66. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17506/aip.2019.19.2.4566>
17. Zamyatin D.N. Post-City: Space and Ontological Models of Imagination. *Polis. Political Studies*. 2018;(3):147–165. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.10>

18. Ivanov P.V. Urban Dwellers and Production of Urban Space (On the Example of Russian Cities). *Interaction. Interview. Interpretation*. 2016;8(11):5–15. Available at: <https://www.inter-fnisc.ru/index.php/inter/article/view/4448> (accessed 25.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Belousov A.B., Davydov D.A. From the Right to the City to the Right to Space. Dynamics of Municipal Conflicts on the Example of the Sverdlovsk Region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021;(6):362–385. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052>

20. Mersianova I.V., Korneeva I.E. “City Silence” in Moscow: Prerequisites and Public Involvement in Civil Society Practices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2015;(6):48–65. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.04>

21. Semenov A.V. The Roots of the Grass: Patterns of Grassroots Urban Mobilization in Russia. *Sociological Studies*. 2019;(12):29–37. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31857/S013216250007746-3>

22. Zhelnina A.A., Tykanova E.V. ‘Players’ in ‘Arenas’: A Study of Interactions in Local Urban Conflicts (A Case Study of Saint Petersburg and Moscow). *The Journal of Social Policy Studies*. 2021;19(2):205–222. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>

23. Brubaker R. Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in post-Soviet States. *Ethnic and Racial Studies*. 2011;34(11):1785–1814. doi: <https://doi.org/10.1080/01419870.2011.579137>

Submitted 25.08.2021; approved after reviewing 09.11.2021; accepted for publication 25.11.2021.

About the authors:

Olga A. Bogatova, Professor, Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5877-7910>, bogatovaoa@gmail.com

Evgenia I. Dolgaeva, Associate Professor, Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Cand. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1256-7384>, ewgiv@mail.ru

Contribution of the authors:

O. A. Bogatova – working out of the research project concept, the program and questionnaires of research; collection, processing and analysis of the information; writing and critical analysis of the text of the article.

E. I. Dolgaeva – working out of the program and questionnaires of research; collection, processing and analysis of the information.

All authors have read and approved the final version of manuscript.